

Отец / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Отец / рассказ ОТЕЦ

Он квартировал в Батиньоле, а служил в министерстве народного просвещения и каждое утро добирался к себе в канцелярию в омнибусе. И каждое утро напротив него сидела молоденькая девушка, в которую он и влюбился.

Ежедневно в один и тот же час она ехала в магазин, в центре Парижа, где работала. Это была хорошенькая брюнетка, из тех брюнеток, у которых при матовой коже такие черные глаза, что кажется, это два темных пятна на бледном лице. Она всегда появлялась на том же самом углу и бежала за громоздким омнибусом, боясь опоздать. Она бежала торопливыми шажками, легкая и грациозная, и вскакивала на подножку еще до того, как лошади остановятся. Потом, слегка запыхавшаяся, входила в вагон, а усевшись, оглядывала окружающих.

Франсуа Тесье как только ее увидел, сразу почувствовал, что она безумно ему нравится. Бывает, что встретишь женщину и тебе неудержимо захочется сжать ее в объятиях, тут же, сейчас, хотя ты ее совсем не знаешь. Эта девушка отвечала его сокровенным желаниям, его затаенным помыслам, тому идеалу любви, который бессознательно лелеешь в глубине сердца.

Он не мог отвести от нее глаз. Ее смутил его взгляд, и она покраснела. Он это заметил и отвернулся, но каждую минуту снова взглядывал на нее, хотя и старался смотреть в сторону.

Через несколько дней они уже были знакомы, несмотря на то, что не перемолвились еще ни словом. Когда омнибус бывал переполнен, он уступал ей место и поднимался на империал, правда, с большим сожалением. Теперь она улыбалась ему при встрече, и хотя все еще опускала глаза, смущенная его слишком пылким взглядом, ей, казалось, уже было приятно, что на нее смотрят так упорно.

В конце концов они разговорились. Очень скоро между ними завязалась дружба, дружба на полчаса в день. И для него эти

полчаса, несомненно, были самыми отрадными минутами в жизни. Весь день он думал о ней, она непрестанно всплывала у него перед глазами, пока он сидел за нудной канцелярской работой, его преследовал, томил, не давал ему покоя неуловимый, но неотступный образ, лицо любимой женщины. Ему казалось, что было бы безумным счастьем, почти недоступным человеку, если бы это хрупкое существо принадлежало ему.

Теперь каждое утро она здоровалась с ним за руку, и до вечера он хранил ощущение от ее пожатия, воспоминание о легком прикосновении ее пальчиков; ему казалось, будто оно запечатлелось у него на ладони.

Все остальное время он с трепетом ждал этой короткой поездки в омнибусе, а по воскресеньям томился целый день.

Ей он, верно, тоже нравился, и как-то раз, в субботу, она приняла его приглашение поехать на следующий день позавтракать в Мезон-Лафит.

На вокзал она пришла первой и ждала его. Он удивился, но она сказала:

– Раньше чем ехать, мне надо с вами поговорить. В нашем распоряжении двадцать минут: это более чем достаточно.

Она была бледна, не поднимала глаз и дрожала, опираясь на его руку. Она заговорила:

– Я не хочу, чтобы вы плохо обо мне думали. Я порядочная девушка и поеду с вами только, если вы мне обещаете, если вы мне поклянетесь ничего... ничего не делать... такого... такого... что не полагается.

Она вдруг зарделась, как маков цвет. И замолчала. Он не знал, что ответить, и обрадованный и разочарованный. В глубине души он, пожалуй, был доволен; и все же... все же сегодня ночью ему не давали покоя мечты, от которых кровь закипала в жилах. Конечно, он не любил бы ее так, будь она девушкой легкого поведения, но зато сколько бы радости, сколько наслаждений это ему сулило! И его одолевали эгоистические мысли, свойственные мужчинам в любовных делах.

Он молчал. Тогда она снова заговорила взволнованным голосом, со слезами на глазах:

– Дайте слово, что отнесетесь ко мне с полным уважением, иначе я пойду домой.

Он нежно пожал ее локоть и ответил:

– Честное слово! Все будет, как вы хотите.

Она как будто успокоилась и спросила с улыбкой:

– Правда?

Он посмотрел ей в глаза.

– Клянусь вам!

– Берите билеты, – сказала она.

Дорогой они не могли разговаривать, так как вагон был переполнен.

По приезде в Мезон-Лафит они пошли к Сене.

От теплого воздуха душу и тело охватывала истома. Солнце ярко светило на реку, на листву, на лужайку, зажигало искорки веселья в сердце и в крови. Они шли по берегу, взявшись за руки, и смотрели на рыбешек, стайками скользивших в воде. Они шли, охваченные счастьем, словно неслись над землей в блаженном упоении.

Наконец она сказала:

– Вы, верно, считаете меня безумной?

Он спросил:

– Почему?

Она продолжала:

– Разве не безумие поехать сюда вдвоем с вами?

– Да нет же! Это вполне естественно.

– Нет, нет! Совсем не естественно! Для меня, – потому что я не хочу оступиться, а вот так-то и оступаются. Но если б вы только знали, как это грустно, – каждый день одно и то же, день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Мы живем вдвоем с мамой. А она на своем веку видела много горя и разучилась радоваться. Я стараюсь не унывать. Смеюсь, когда могу, да не всегда выходит. Все равно нехорошо, что я поехала. Вы-то хоть не осуждайте меня.

Вместо ответа он быстро поцеловал ее в шею. Но она отстранилась резким движением и сразу рассердилась:

– О, господин Франсуа! Ведь вы мне поклялись! И они возвратились в Мезон-Лафит.

Они позавтракали в «Тихой пристани», приземистом домике, приютившемся под сенью четырех огромных тополей на берегу реки.

От воздуха, жары и легкого белого вина они покраснелись, их смущало то, что они вместе, и они чувствовали себя неловко и молчали.

Но после кофе на них внезапно напала веселость, и, переправившись на противоположный берег, они пошли вдоль Сены к деревне Ла Фретт.

Вдруг он спросил:

— Как вас зовут?

— Луиза.

Он повторил:

— Луиза.

И больше ничего не сказал.

Река, образовав большую излучину, подступала вдали к ряду белых домиков, отражавшихся в воде вверх ногами. Девушка рвала ромашки, набрала целый сноп полевых цветов, а он пел во все горло и резвился, как жеребенок, выпущенный на волю.

Слева от них вдоль реки тянулся косогор, засаженный виноградниками. Вдруг Франсуа остановился, ошеломленный от изумления.

— О! — вырвалось у него. — Посмотрите!

Виноградники кончились, и теперь весь берег покрывали заросли цветущей сирени. Это был сплошной лиловый лес, громадный ковер, разостланный по земле, на два — три километра, вплоть до самой деревни.

Она остановилась, тоже пораженная, взволнованная. Она пролепетала:

— Ах, как красиво!

И они бегом пустились прямо по полю к этому чудесному холму, ежегодно снабжающему Париж сиренью, которую цветочницы развозят в тележках по всему городу.

Под кустами вилась узкая тропка. Они пошли по ней и, набредя на полянку, сели.

Над ними кружились рои мошек, наполняя воздух тонким непрерывным жужжанием. Солнце, яркое солнце, какое сияет в

безветренные дни, заливало длинный цветущий склон, и сиреневая роща дышала – от нее шел одуряющий аромат, благоуханное дуновение.

Вдали в церкви звонил колокол.

И вот они потянулись друг к другу» потом обнялись, лежа в траве, позабыв обо всем на свете, кроме своих объятий. Она закрыла глаза и, обхватив его обеими руками, не помня себя, прильнула к нему без мысли, без памяти, вся истомленная страстным ожиданием. И она отдалась ему, не сознавая, что делает, даже не понимая, что отдается.

Она очнулась в смятении, какое бывает после непоправимого несчастья, и горько заплакала, судорожно всхлипывая, закрыв лицо руками.

Он пытался ее утешить. Но она хотела домой, скорее, сейчас же домой. Она быстро шла, непрестанно повторяя:

– Боже мой, боже мой!

Он говорил:

– Луиза! Луиза! Побудем здесь! Прошу вас! Теперь щеки ее пылали, глаза ввалились. В Париже, как только они вышли из вагона, она убежала, даже не попрощавшись.

На следующий день, в омнибусе, она показалась ему изменившейся, похудевшей. Она промолвила:

– Я должна поговорить с вами; сойдемте на бульваре. Как только они очутились вдвоем на улице, она сказала:

– Нам надо проститься. Я не могу видеться с вами после того, что случилось.

Он пробормотал:

– Но почему?

– Потому что не могу. Я виновата. Больше это не повторится.

Тогда он принялся просить, умолять, терзаясь страстью, обезумев от желания владеть ею целиком в полном слиянии любовных ночей.

Она упрямо повторяла:

– Нет, не могу. Нет, не хочу.

А он настаивал, возбуждаясь все больше. Он обещал жениться.

Она опять повторила:

– Нет. И ушла.

Неделю он ее не видел. Встретить ее ему не удавалось, адреса он не знал и потому считал, что она навсегда потеряна.

Через неделю, вечером, кто-то позвонил к нему. Он открыл дверь. Это была она. Она кинулась ему в объятия и больше не противилась.

Три месяца она была его любовницей. Он уже начинал тяготиться этой связью, и вдруг Луиза сказала ему, что она беременна. Тогда его стала преследовать одна мысль: порвать во что бы то ни стало.

Но у него ничего не выходило, он не знал, как за это взяться, не знал, что сказать, терялся от страха перед растущим в ней ребенком и поэтому принял крайнее решение: однажды ночью он съехал с квартиры и скрылся. Удар был так жесток, что она не стала искать своего обидчика. Она бросилась на колени перед матерью и призналась в своем несчастье. Несколько месяцев спустя она родила мальчика.

Годы шли. Франсуа Тесье старился, и в жизни его ничто не менялось. Он влачил однообразное и беспросветное существование чиновника, которому не на что надеяться и нечего ждать. Из дня в день он вставал в тот же час, шел по тем же улицам, открывал ту же дверь, проходил мимо того же швейцара, поднимался в ту же канцелярию, садился на то же место и выполнял ту же работу. Он был одинок на свете, одинок днем, среди равнодушных товарищей, одинок ночью, в своей холостяцкой спальне. Он откладывал по сто франков в месяц на старость.

Каждое воскресенье он совершал прогулку по Елисейским Полям, чтобы полюбоваться блестящим обществом, собственными выездами и красивыми женщинами.

На следующий день он говорил сослуживцам, тянувшим с ним одну лямку:

– Вчера на Елисейских Полях публика была очень шикарная.

И вот как-то в воскресенье он случайно свернул на другую улицу и очутился в парке Монсо. Было ясное летнее утро. Няни и мамы сидели в аллеях и присматривали за играющими детьми.

Вдруг Франсуа Тесье вздрогнул. Мимо прошла женщина, ведя за

руку двух детей – мальчика лет десяти и девочку лет четырех. Это была она.

Он сделал еще несколько шагов, затем опустился на скамью, задыхаясь от волнения. Она его не узнала. Тогда он вернулся, чтобы посмотреть на нее еще раз. Теперь она расположилась на скамейке. Мальчик чинно сидел рядом, а девочка лепила пирожки из песка. Это была она, несомненно, она. У нее был солидный вид настоящей дамы, одета она была просто, держала себя уверенно и с достоинством.

Он смотрел на нее издали, не решаясь подойти. Мальчик поднял голову. Франсуа Тесье задрожал. Конечно, это был его сын. Он стал разглядывать мальчика, и ему почудилось, будто он узнает в нем себя, каким он сам был на давней фотографии.

И, притаившись за деревом, он выжидал, когда она встанет, чтобы пойти за ней следом.

Ночью он не сомкнул глаз. Особенно мучила его мысль о мальчике. Его сын! О, если бы только знать, если бы только быть уверенным! Но что бы он тогда предпринял?

Он видел ее дом, он навел справки. Узнал, что на ней женился сосед, порядочный, серьезный человек, тронутый ее горем. Этот человек знал о ее падении, простил ей, даже усыновил ребенка, его ребенка.

Франсуа Тесье каждое воскресенье ходил теперь в парк Монсо. Каждое воскресенье он видел ее, и каждый раз им овладевало безумное, непреодолимое желание схватить сына в объятия, расцеловать, унести, похитить.

Он жестоко страдал от своего одиночества, от грустного одиночества холостяка, не знающего привязанностей; он терпел тяжкие муки, снедаемый отцовской нежностью, в которой было и раскаяние, и ревность, и зависть, и потребность любви к своему детенышку, вложенная природой в каждое живое существо.

Наконец он решился на отчаянный шаг и однажды, когда она входила в парк, подошел, загородил ей дорогу и, весь бледный, пролепетал дрожащими губами:

– Вы меня не узнаете?

Она подняла глаза, посмотрела, вскрикнула от испуга, от ужаса, схватила за руки детей и стремительно увела их прочь.

Он вернулся домой и наплакался вволю.

Прошло еще несколько месяцев. Больше он ее не встречал. Но он страдал денно и нощно, его томила, мучила отцовская нежность. Он согласился бы умереть или убить, взвалить на себя любые тяготы, пойти на любой риск, пренебречь любой опасностью, только бы расцеловать сына.

Он написал ей. Она не ответила. Отослав двадцать писем он понял, что смягчить ее нет надежды. Тогда он принял отчаянное решение, готовый, если придется, подставить грудь под пулю. Он отправил ее мужу коротенькую записку.

«Милостивый государь!

Мое имя внушает вам, вероятно, отвращение. Но я так несчастен, так тоскую, вся моя надежда на вас. Прошу вас уделить мне десять минут для разговора. Имею честь» и т. д.

На следующий день он получил ответ:

«Милостивый государь!

Жду вас во вторник, в пять часов».

Поднимаясь по лестнице, Франсуа Тесье останавливался на каждой ступеньке, так у него стучало сердце. Оно стремительно колотилось в груди, словно там метался зверь, колотилось глухо, неистово. Он с трудом дышал и, чтобы не упасть, держался за перила.

На четвертом этаже он позвонил. Ему открыла служанка. Он спросил:

– Господин Фламель дома?

– Дома, пожалуйста.

И он вошел в прилично обставленную гостиную. Он остался один; он ожидал в смятении, как перед надвигающейся катастрофой.

Открылась дверь. Появился мужчина. Рослый, строгий, солидный, в черном сюртуке. Он указал на кресло.

Франсуа Тесье сел и заговорил прерывающимся голосом:

– Милостивый государь... Милостивый государь... Я не знаю, известно ли вам мое имя... Если вы знаете...

Г-н Фламель прервал его:

– Не беспокойтесь, сударь, я знаю. Жена рассказывала мне о вас.

Он старался говорить строгим тоном, как добряк, который хочет быть суровым, и держал себя с достоинством честного буржуа. Франсуа Тесье продолжал:

– Ну, так вот, сударь. Я изнемогаю от горя, от раскаяния, от стыда, и мне хотелось бы всего раз, всего один раз, поцеловать мальчика...

Г-н Фламель встал, подошел к камину, позвонил. Появилась служанка. Он сказал:

– Позовите Луи.

Она вышла. Они остались вдвоем и ждали молча, – им не о чем было говорить.

И вдруг в гостиную вбежал мальчик лет десяти и бросился к тому, кого считал отцом. Но при виде чужого остановился, сконфузившись.

Г-н Фламель поцеловал его в лоб, затем сказал:

– Теперь, дружок, поцелуй этого господина.

И мальчик посмотрел на чужого господина и послушно подошел к нему.

Франсуа Тесье встал. Он уронил цилиндр, чуть сам не упал. Он не спускал глаз с сына.

Г-н Фламель отвернулся из деликатности и стал смотреть в окно. Мальчик ждал, ничего не понимая. Он поднял цилиндр и подал его гостю. Тогда Франсуа схватил ребенка в объятия и принялся целовать его, как безумный, покрывая поцелуями лицо, глаза, щеки, рот, волосы.

Мальчик, растерявшись от такого града поцелуев, старался уклониться, отворачивался, отстранял ручонками жадные губы незнакомого человека.

Но вдруг Франсуа Тесье поставил его на пол.

– Прощайте, прощайте! – крикнул он.

И убежал, как вор.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 20 ноября 1883 года под псевдонимом

Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП
«Аурика», 1994

Перевод И.Татариновой. Некаýalar